

КРИСТИАН МАРАЦЦИ

Тело-машина и его амортизация¹

Одной из характеристик нового капитализма является потеря значимости основного капитала, машины в ее физическом воплощении как фактора производства богатства. Дематериализация основного капитала и услуг имеет конкретным следствием «привлечение к труду» различных — преимущественно лингвистических и коммуникативных — способностей, приобретенных как в труде, так и особенно вне его (разнообразные навыки, ощущения, гибкость, чуткость и т. д.); одним словом, всей той совокупности человеческих способностей, которые во взаимодействии с автоматизированными и информатизированными производственными системами непосредственно производят прибавочную стоимость.

Дематериализация основного капитала и перенос производственных и организационных функций на живое тело рабочей силы лежит в основе одного из парадоксов нового капитализма, а именно противоречия между возрастающей важностью когнитивного труда, производящего знание как рычаг богатства, и его обесцениванием, отражающимся на заработной плате и занятости.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся в анализе новых тенденций на рынке труда, косвенно подтверждают, что в экономически развитых странах складывается модель *антропогенного* типа, т. е. модель «производства человека человеком», в которой возможность эндогенного и глобального роста обеспечивается прежде всего развитием сектора образования (вложения в человеческий капитал), сектора здравоохранения (демографическая эволюция, биотехнология) и культуры (инновации, коммуникация и креативность). В этой модели рост непосредственно обусловлен деятельностью человека, его способностью к общению, к выстраиванию отношений, к новаторству и творчеству. Уже не принадлеж-

¹ *Multitudes* 27 (2007).

ность человека к тому или иному сектору деятельности, а именно эта способность к инновации, к «производству форм жизни» и *тем самым* к созданию добавочной стоимости и определяет природу человеческой деятельности.

Если основной капитал и исчезает в модели «производства человека человеком» в своей материальной и фиксированной форме, он тем не менее вновь появляется в живом, в подвижной и текучей форме. Состав рабочей силы, помимо своей функции вместилища способности к труду, выполняет также функции вместилища типичных функций основного капитала, средств производства как накопления систематизированных умений, исторически приобретенных знаний, продуктивных грамматик, опыта, короче говоря, *проделанного труда*.

C + V

Наша рабочая гипотеза состоит в следующем: возникающую в новом капитализме антропогенную модель отличает тот факт, что живое содержит в себе одновременно функции основного и переменного капиталов, другими словами, функции материала и орудий как *прошлого*, так и *живого настоящего* труда. Иначе говоря, рабочая сила определяется как сумма переменного капитала (V) и основного, или постоянного, капитала (C, в особенности твердо установленная часть постоянного капитала). Производство товаров и услуг как имитационное, так и инновационное, является результатом взаимодействия между устоявшейся формой жизни, состоящей из правил, кодов, парадигм, убеждений, унаследованных от того контекста, в котором они сложились, и производственной деятельностью, в которой все эти правила, коды, убеждения и парадигмы применяются с целью *создания ценностей* на основе «материала», который без этого был бы мертв.

Чтобы лучше понять различие, а также *социальные отношения* между постоянным и переменным капиталом, удобно обратиться к лингвистической деятельности; тем более что в антропогенной модели язык заключает в себе фундаментальные характеристики человеческой деятельности, являясь, можно сказать, ее сущностью. Как писал Феруччо Росси-Ланди²:

Природу и взаимоотноительность постоянства и изменчивости можно прекрасно уяснить себе, обратясь к примеру языка в его постоянстве, поддерживаемом из поколения в поколение. Если мы лишимся переменного капитала, то нам останутся только материал, орудия и деньги — элементы, мертвые без труда. Но прежде чем стать мертвым, язык должен быть живым; как раз к понятию мертвого языка мы

² Ferruccio Rossi-Landi (Милан, 1921 — Триест, 1985), лингвист, философ языка, занимался особенно политическим измерением языка. Основатель и редактор журналов *Ideologie* (1967–1972) и *Scienze umane* (1979–1981).

придем, если удалим переменный капитал. Напротив, необходимость присоединения переменного капитала к постоянному покажется очевидной, если представить себе лингвиста, который пытается расшифровать мертвый язык: лингвист здесь подобен человеку, проникшему на заброшенный завод и постепенно запускающему в ход машины, функционирование которых он понял, и использующему материалы, которые как будто ждали его.³

С этой точки зрения критическая теория Маркса представляется полезной особенно своим различием между живым и мертвым трудом, переменным и постоянным (основным) капиталом. Но как раз антропогенная модель и вносит в Маркса определенные коррективы. В самом деле, очевидно, что в *Экономических рукописях 1857–59 гг.*, там, где он говорит о научном знании, накопленном в общих производительных силах (*general intellect*), Маркс полагает, что оно материализовано, фиксировано в машинах, *отделенных* от трудящегося. В силу отделения от орудий труда деятельность трудящегося «служит лишь посредником для работы машины». Это деятельность, «детерминированная и регламентированная во всех отношениях движением машин». Чем сложнее и отлаженнее структура постоянного капитала, тем атомизированнее трудящийся, условия работы которого сведены к индивиду, лишенному свободы и работающему внутри огромной машины. И тем больше, добавляет Маркс, труд оказывается «ничтожным основанием» для стоимости.

Таким образом, можно утверждать, что марксово *отделение* трудящегося от машин, находящихся в собственности капиталиста, лежит в основании эксплуатации и отчуждения, свойственных фордистскому режиму. Но именно *кризис* фордовской модели и вызванный им пересмотр отношений между капиталом и трудом обязывает, с одной стороны, сохранять разделение-различие основного и переменного капиталов, а, с другой — рассматривать обе эти формы капитала как включенные в *живое*, в живой состав рабочей силы.

Когда речь заходит об «инвестициях в человеческий капитал», то подразумевается, что необходимо вкладывать в рабочую силу (понятую как совокупность уже приобретенных, «прошлых», компетенций и наличного живого труда), чтобы в перспективе подпитывать экономический рост. Речь идет о действительной и настоящей *инвестиции*, о *потребительной стоимости* рабочей силы как связи между настоящим и будущим, стоимости, включающей заработную плату как цену рабочей силы (позволяющую воспроизводить трудовую *способность* рабочего), а также инвестиции в тело трудящегося как вместилище знания, социальных компетенций, имеющих в обществе. Капиталистическое использование рабочей силы не ограничивается лишь привлечением к труду, переходом от способности к труду к его осуществлению (труд *in actu*), но также состоит в ис-

³ F. Rossi-Landi, *Il linguaggio come lavoro e come mercato. Una teoria della produzione e della alienazione linguistiche*, Bompiani, Milano, 1968, p. 243–44.

пользовании знаний и умений, «расходуемых» на всем протяжении трудового процесса.

Живой и наличный труд работника представляет собой непрерывную трансформацию человеческого материала (который есть не что иное, как результат прошлого труда), с и над которым и идет работа. Эта деятельность *расходует* или, скорее, *сохраняет, расходуя*, совокупность социально заданных в определенный период времени умений и знаний. Именно по причине этого воспроизводящего расходования, по причине повторного использования социально заданного постоянного капитала, инвестирование в человеческой капитал должно включать в себя амортизацию. Амортизация обеспечивает воспроизводство «общих производительных сил общественного разума», накопленного человеческого материала, который, если его лишить деятельности живого труда, станет «мертвым языком».

Конечно, нельзя сказать, что новый капитализм собирается включать в ценность рабочей силы стоимость амортизации, подразумевающуюся по отношению к производительному использованию «общественного разума». Фактически, в расчет берется только заработная плата (V), преимущественно как *переменная выравнения*, либо как *точечное* вознаграждение за трудовую деятельность (не включающее, таким образом, стоимость воспроизводства рабочей силы, которую необходимо поддерживать в периоды вынужденного бездействия), т. е. как переменная, зависящая от колебаний рынка, в частности, рынка финансового. Например, капиталовложения в обучение на протяжении всей активной жизни рабочей силы, обеспечивающие воспроизводство основного человеческого капитала, резко сокращаются вследствие разрушения социального государства и увеличения стоимости обучения. Парадоксальным результатом этого сокращения общественных капиталовложений оказывается повышение стратегической важности социального когнитивного труда (и, таким образом, образования) и сопутствующее ухудшение условий жизни самих работников умственного труда (knowledge workers).

Мы говорим здесь об образовании *как об инвестиции*, чтобы яснее показать, что, с точки зрения системы государственной бухгалтерии, образование составляет, вплоть до настоящего дня, часть текущих *расходов*; другими словами, статью расхода, зависящую от *годового* налогового дохода, самого по себе сильно зависящего от амортизации капиталовложений в гражданское строительство (т. наз. большое строительство). Так создается дисбаланс между политикой капиталовложений, унаследованной от фордизма, в котором расходы на инфраструктуру (общественное *hardware*) играли стратегическую роль первостепенной важности, и политикой расходов на образование. Приватизация различных циклов обучения пытается разрешить этот дисбаланс, но единственным результатом оказывается усугубление другого, не менее фундаментального дисбаланса, существующего между социальной природой человеческого капитала и исключением растущей части рабочей силы из процесса обучения.

Перекосы финансиаризации

Для фирм, обеспечивающих себя необходимым им физическим капиталом с помощью различных арендных договоров, затраты на использование этих основных благ числятся как расходы за финансовый год, списываемые с налогов так же, как и издержки на эксплуатацию. Фирмы не только освобождаются от амортизационных расходов, вытекающих из капиталовложений в оборудование, но и увеличивают наличные денежные средства, находящиеся в их распоряжении, сокращают риск кредитования для своих вкладчиков, и — что немаловажно — тем самым сохраняют контроль над компанией.

Одним из следствий сокращения инвестиций в физический капитал является *финансиаризация* экономики, другими словами, использование высвобожденных из производственного процесса наличных средств для увеличения биржевой стоимости капитала. Если к увеличению налички, вытекающему из сокращения инвестиций в постоянный капитал, добавить увеличение задолженностей предприятий банковской системе, то становится понятным, каким образом финансиаризация экономики (выплата дивидендов, процентов, слияние и скупка, *buyback* уже выпущенных акций) стала невероятным переводом богатства классу инвесторов-акционеров, а также менеджеров, управляющих процессом финансиаризации. Уже более 20 лет, даже после биржевого кризиса 2000 года, мы являемся свидетелями регулярного увеличения дивидендов, не зависящего от тенденций, угрожающих прибыли.

В управленческом и акционерном капитализме сам факт фиксирования завышенных порогов прибыльности финансовых ценных бумаг для сокращения риска акционеров (чтобы гарантировать тем самым *ликвидность*, наряду с приращением) сопровождается повышением риска для наемных работников. Развитие индивидуализации вознаграждений управленческого состава и наемных работников (*stock options*), повышение гибкого характера труда, применение нетипичного труда и аутсорсинг (привлечение соисполнителей со стороны или делегирование) позволяют денежной массе, предназначенной для выплаты заработной платы, колебаться в зависимости от нужд индустрии.

Перенос риска с акционеров на наемных работников показывает, как в процессе финансиаризации неосязаемый капитал, который служит нематериальной разновидностью основного капитала, учитывается при подсчетах исключительно как капитал переменный, что, естественно, представляет собой экономию для капитала, так как при этом позволяет бесплатно использовать компетенции, умения и знания, накопленные в теле рабочей силы.

И все же эта экономия ошибочна, по крайней мере, в средне- и долгосрочной перспективе, так как, чтобы установить когнитивный капитал рабочей силы, чтобы физически *содержать* тело трудящегося и заставить его функционировать в качестве когнитивного основного капитала, ка-

питал, в силу той же логики найма, вынужден толкать финансиаризацию далеко за свои собственные пределы, а именно к кризису.

Следовательно, если для того чтобы содержать когнитивных работников, нужно присовокупить часть их зарплаты к курсу акций ценных бумаг предприятия (как в случае *stock options*, но также и во всех меритократических системах вознаграждения, введенных в последние годы), то из этого следует, что *разлад* между ростом капитала и финансиаризацией выходит из-под контроля и возможного управления этим процессом. Мы попадаем, если можно так выразиться, в *процесс автореференции*, где биржевая стоимость котируемой фирмы обгоняет реально произведенную стоимость.

Кризис, конечно, является специфической формой удаления финансовых излишков на этапе расширения цикла, но тот же самый кризис разрушает важную часть человеческого капитала, как это происходит с машинами, доведенными до поломки, и как о том косвенно свидетельствует повышение расходов на психофизическое здоровье работников. Финансиаризация маскирует существование *превышения*, разрыва между «системой ценностей», чувствами, мыслями и опытом, накопленными в теле рабочей силы, и капиталистическим использованием способности к труду.

Амортизация как противоречие

Мы говорили о полезности критической теории Маркса, различающей живой и прошлый труд, переменный и постоянный капитал, что к тому же позволяет Марксу в отличие от классических экономистов и «маргиналистов» определить капитал как *социальное отношение*. Правда, когда Марксово различие между живым трудом и трудом прошлым (мертвым) используется для понимания логики, связывающей амортизацию основного капитала, мы упираемся в реальное и настоящее противоречие: у Маркса амортизация основного капитала *не* может быть объяснена на основе теории стоимости труда.

Противоречивость Марксова объяснения амортизации проистекает из введения им переменной *времени*, т. е. из того факта, что процесс производства не только цикличен, но и задан последовательностью актов, определяющих во временн^{ых} терминах цепочку образования стоимости. Время производства, циклично «связывающее» производство и потребление благ, есть время, в течение которого стоимость основного капитала, потребленного в процессе создания стоимости, не может быть перенесена на отпускную цену произведенных товаров, а значит, не может быть извлечена в денежной форме.

В своих *Теориях прибавочной стоимости* Маркс показал, что прекрасно осознает проблему: «Кто работает для того, чтобы вернуть эквивалент постоянного капитала, уже использованного в производстве?». Вопрос двояк. *Во-первых*, живой труд производит заработную плату и доход, ко-

торые вместе соединяются в меновую стоимость произведенных благ. Но проделанный труд, труд, необходимый для производства машин, купленных капиталистом, не может быть ни воспроизведен, ни амортизирован настоящим трудом. «Все элементы картины разрешаются, таким образом, в сумму квантов труда, равную сумме нового добавленного труда, но не равную сумме всего труда, содержащегося в постоянном капитале, увековеченного воспроизводством». Этого количественного парадокса могло хватить, чтобы заключить, что различие между живым и мертвым трудом есть неразрешимая апория. Живой труд ни в коем случае не может создать ту часть стоимости основного капитала, которая потреблена в процессе производства (если бы это было возможным, мы бы пришли к заключению, что постоянный капитал произведен дважды!). Иными словами, постоянный капитал — это «часть годового продукта труда, но не продукт [заново прибавленного] труда за год (напротив, это часть продукта труда за год плюс предшествующий труд)» (*Теория*, с. 210).

Во-вторых, амортизация дает возможность накопления определенной суммы, на которую капиталист может приобрести новую машину, после того как он многократно использовал вложенный капитал. Эта сумма получается из продажи произведенных благ по цене, покрывающей сумму заработной платы, плюс прибыль, плюс израсходованный постоянный капитал. «Но именно здесь мы упираемся в сложность. Кому он их продает? Кому принадлежат деньги, на которые он их обменивает?» (*Теория*, с. 182). Стоимость израсходованного постоянного капитала не только не может быть перенесена на конечную меновую стоимость произведенных благ, но и (даже если она могла бы!) распределенные в процессе производства доходы (зарплата и прибыль) недостаточны для обращения всей совокупности продукта в деньги. Заработная плата может лишь воспроизводить стоимость рабочей силы, и если капиталист хотел бы использовать свою прибыль для амортизации постоянного капитала, он бы тем самым положил конец своей деятельности капиталиста.

В конечном счете внутри экономического кругообращения Марксово различие живого и мертвого (прошлого) труда предстает как настоящая головоломка для тех, кто хотел бы *логически* истолковать теорию стоимости труда. Решение рикардовского типа состоит в снятии различия между живым и мертвым трудом. Но это различие необходимо по двум причинам. Прежде всего потому, что на его основании можно изучать кризисы исторического капитализма, и, далее, по той причине, что различие между живым и прошлым трудом позволяет подойти к вопросу о *человеческой природе* рабочей силы.

Следовательно, — пишет Маркс в первой книге *Капитала*, — сохранять стоимость посредством присоединения стоимости это есть природный дар проявляющейся в действии рабочей силы — живого труда, дар природы, который ничего не стоит рабочему, но много приносит капиталисту, именно обеспечивает ему сохранение наличной капитальной стоимости. Пока дело идет успешно, капиталист слишком

сильно погружен в извлечение прибыли, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осязательности, (раздел III, гл. 8, с. 196).

Тот факт, что головоломка амортизации объясняется на основе «естественного качества» рабочей силы, составляет самый интересный аспект всей этой истории. «Естественное качество», о котором говорит Маркс по поводу рабочей силы, его способность «сохранять стоимость, добавляя стоимость» есть не что иное, как *избыток* человеческой природы по отношению к тем способам производства, которые исторически заданы капитализмом. Речь идет об избытке стоимости, потому что он несводим к материальному отношению между капитализмом и трудом; речь также идет об активном избытке как «естественном качестве», так как эта *естественная*, как бы *неизменная* часть живого пересекает всю человеческую историю. Мы употребляем «неизменная» в том смысле, что тогда как способы производства меняются с течением времени и меняются все быстрее от кризиса к кризису, это «естественное качество» человека есть жизненная субъективная сила, сохраняющаяся *вопреки* разъеданию, вопреки воспроизводящему потреблению, которому она по необходимости подвергается, когда работает на капитал.

Таким образом, точно так же как «машинное оборудование не потеряло бы своей потребительной стоимости, если бы перестало быть капиталом» (*Экономические рукописи 1857–59 гг.*), так и в антропогенной модели тело рабочей силы как общественный разум, как телесность знания и умения не теряет своей потребительной стоимости, даже когда перестает работать на капитал. Но есть важное различие: когда машина бездействительна, то она, конечно, есть прошлый труд, но также и труд мертвый, тогда как тело-машина рабочей силы, также будучи осадком прошлого труда, остается всегда *живым*. В этом смысле рабочая сила является *избыточным* по отношению к своему привлечению в непосредственно производственный процесс.

Гарантированный социальный минимум — на всю жизнь

С Марксом можно не соглашаться в одном пункте: в утверждении, что естественное качество «ничего не стоит работнику». Конечно же, оно требует затрат, как это показала борьбы женщин за экономическое признание труда по воспроизводству живой силы. Живой репродуктивный труд, в той мере, в какой он позволяет *сократить* стоимость рабочей силы, иными словами, денежную заработную плату, необходимую для жизни, позволяет впоследствии повысить прибыль (денежную) капиталиста.

Борьба женщин за денежное вознаграждение живого репродуктивного труда представляет особенно интересный случай, так как, с одной стороны, раскрывает материальное существование этого количества живого

го труда, который Маркс *напрасно* ищет внутри схемы товар-деньги-товар (D-M-D'), чтобы объяснить амортизацию постоянного капитала, а, с другой — вводит *возможность* прожиточного пособия (гарантированного социального минимума) *независимо* от обращения капитала. Борьба за «государство всеобщего благоденствия», сопровождавшая историческую консолидацию фордистского режима, свидетельствует о постепенном политическом признании *биологических затрат*, которые оставались скрытыми за «естественным качеством» рабочей силы. С созданием спроса *добавочного* по отношению к тому, который исходит от капитала (при помощи, и это не случайно, механизма *общественного дефицита*), кейнсовское «государство всеобщего благоденствия» фактически ответило на вопрос, поставленный Марксом в размышлениях над проблемой амортизации постоянного капитала: «Кому он их продаст? Кому принадлежат деньги, на которые он их обменяет?». Он их продаст рабочему классу, за которым государство вынуждено признать *биологическое* измерение, выходящее за пределы измерения исключительно производственного.

«Государство всеобщего благоденствия» было первым историческим опытом распределения гарантированного социального минимума (или прожиточного пособия, или *биодохода*), который фактически гарантировал непрерывность схемы T-D-T', признавая в рабочей силе не только статью расхода, но и социальное капиталовложение. В фордовском режиме половое разделение труда гарантировало экспансивное движение капитала, так как оно позволяло гарантированному социальному минимуму служить *зависимой от капитала переменной*. Другими словами, если, с одной стороны, биодоход гарантировал амортизацию основного капитала, то, с другой стороны, он воспроизводил разделение капитала от труда, а вместе с ним и половое разделение труда. И конечно, не случайно, что кризис фордовской модели исторически совпал с восстанием женщин против полового разделения труда.

В возникающей антропогенной модели производство человека человеком по-новому ставит вопрос об амортизации в терминах сохранения стоимости рабочей силы как естественного качества *самого по себе и для себя*. Капиталовложения в обучение, здравоохранение, культуру, окружающую среду или в когнитивные составляющие основного человеческого капитала должны сопровождать воспроизводство рабочей силы на протяжении всей ее жизни.

По отношению к биодоходу фордовско-кейнсовского типа, в котором инвестиции в живое играли определяющую роль в решении проблемы амортизации основного капитала, в антропогенной модели биодоход является капиталовложением в *автономию* живого по отношению к исторически детерминированному способу производства.

Перевод Татьяны Зарубиной